

РАБОТА ИОГАННА ГОТЛИБА ФИХТЕ «ФАКТЫ СОЗНАНИЯ»: ДВЕСТИ ЛЕТ В ФИЛОСОФСКОЙ СОКРОВИЩНИЦЕ

В работе «Факты сознания», примыкающей к поздним редакциям «Наукоучения», выдающийся представитель немецкого идеализма И. Г. Фихте демонстрирует переход от субъективно-идеализма к объективному, от индифферентной ко всяческой религии философии свободы к философии религии, которая творческую свободу человека заменяет на преклонение перед необходимостью, которая понимается мыслителем как Божественное предопределение.

Ключевые слова: И. Г. Фихте, немецкий идеализм, Божественное предопределение, философия свободы, философия религии.

*Und die da lehren, werden leuchten wie des Himmels Glanz,
und die viele zur Gerechtigkeit weisen, wie die Sterne immer und ewiglich.*
(эпитафия на могиле Фихте)

«И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде – как звезды, вовеки, навсегда». Эти вынесенные в эпиграф библейские строки из книги пророка Даниила выбиты на могильном камне замечательного философа, который покоится на берлинском кладбище Темпельхоф совсем рядом с великим Гегелем, который пережил Фихте на 17 лет и система которого включила многие идеи творца «Наукоучения».

Работа «Факты сознания» была опубликована Фихте в поздний период творчества, в 1810 году. В ее основе лежит одноименный лекционный курс. После опубликования этого труда Фихте становится профессором нового Берлинского университета, где проработает вплоть до самой своей ранней и трагической смерти, окрашенной романтическим флером. Мы далеки от того, чтобы считать «Факты сознания» вершиной философии Фихте, но именно эта работа, на наш взгляд, наиболее тесно связана с его основополагающим комплексом трудов, который по традиции именуется «Наукоучение». Впрочем, Wissenschaftslehre переводили и как «Наукословие», а А.В. Гулыга совершенно справедливо указывает на целесообразность перевода наименования фихтевской философии как «Учение о науке».

В нашей стране интерес к философии Фихте традиционен. Русская история философии может записать себе в актив такие ставшие классическими работы о знаменитом немецком философе, как книги Б. Вышеславцева, Т.И. Ой-

зермана, П.П. Гайденко, А.В. Лукьянова. Автор этих строк раньше никогда специально не занимался Фихте, если не считать разработки философских сюжетов, связанных с сотрудничеством Гёте и Фихте. Но меня, как историка философии, не может не привлекать талантливая и противоречивая фигура этого немецкого мыслителя. Прошедшие двести лет показали, что труды Фихте, в том числе и его «Факты сознания», навсегда заняли почетное место в сокровищнице философской мысли.

Философско-эстетические идеи романтизма (идея творческой активности духа и учение о гении) обязаны своим возникновением в том числе и философскому творчеству Фихте. Его философское дело было посвящено достижению благороднейшей цели – свободы. Недаром он дал философскую схему развития свободы на различных этапах человеческой истории. Сам он говорил: «Моя система – это первая система свободы»; как французская нация «освободила человека от внешних оков», так и «моя система освобождает от вещей самих по себе» [4; 117]. Карлу Рейнгольду Фихте пишет в первые дни наступившего 1800 года: «Моя система есть от начала до конца лишь анализ понятия свободы...» [1; 218].

Большое значение для дальнейшей истории философии имело учение Фихте о развитии сознания и его активности, недаром девизом философа было: «Действовать! Действовать! Это то, ради чего мы существуем». Ведь и сам философ – живое подтверждение истинности своего главного жизненного принципа.

Пройдя путь от деревенского пастуха в Рамменау до университетской кафедры в Берлине, Фихте до самого конца сохранил боевой дух, доставшийся ему от матери. Именно ее черты исследователи усматривают и в чрезмерном авторитаризме философа, нетерпимости к другим мнениям и уверенности в своей правоте. Недаром Ансельм Фейербах не без иронии пишет: «С Фихте опасно ссориться. Это неукротимый зверь, не выносящий никакого сопротивления и считающий всякого врага своего безумия врагом своей личности. Я убежден, что он был бы способен разыграть из себя Магомета, если бы еще были Магометовы времена, и ввести свое наукоучение мечом и смиренным домом, если бы его кафедра была королевским тронном» [5].

Субъективный идеализм Фихте, ярко выраженный в первых редакциях «Наукоучения», критиковали многие. Например, великий Иоганн Вольфганг Гёте. Хотя он видел и ценил в Фихте прекрасного собеседника и талантливого лектора, владеющего аудиторией, и сами воззрения Фихте были интересны мыслителю, но все же их, как считал Гёте, субъективно-идеалистическая основа не могла не вызвать у великого поэта критики. Скажем, в «Фаусте» Гёте устами Мефистофеля иронизирует по поводу фихтеанских воззрений:

*Вот назначенье жизни молодой:
Мир не был до меня и создан мной.
Я вывел солнце из морского лона,
Пустил луну кружить по небосклону* [6; 2; 256].
(перевод Б. Пастернака)

На Фихте традиционно наклеивают ярлык приверженца и адепта «субъективного идеализма». Но ведь воззрения его, как и воззрения любого мыслителя, менялись со временем, что и отразилось в поздних редакциях его «Наукоучения». Генрих Гейне считал, что замысел «Наукоучения» Фихте носит объективно-идеалистический характер: «Но фихтевское «Я» совсем не есть индивидуальное «Я», а возвысившееся до сознания всеобщее, мировое «Я». Фихтевское мышление не есть мышление какого-то определенного человека... Это, напротив, всеобщее мышление, проявляющееся в отдельной личности» [8]. Но мнение о субъективно-идеалистическом характере философии Фихте очень ус-

тойчиво и по сей день. Даже Гёте считал, что мир в глазах Фихте – лично созданное человеком достояние.

Фихте вообще не понимали многие, но зато охотно иронизировали по поводу его философии. Гегель в своих великолепных «Лекциях по истории философии» саркастично замечает, что Фихте так и не удалось «принудить читателя к пониманию», несмотря на все героические попытки. Каролина Шеллинг пишет по поводу той же работы Фихте «Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии. Попытка принудить читателя к пониманию»: «Мы изобрели для ясного, как солнца, философа эпитафю:

*Zweifle an der Sonne Klarheit,
Zweifle an der Sterne Licht,
Leser, nur an meiner Wahrheit
Und an Deiner Dummheit nicht!*

Можно перевести этот остроумный стишок довольно верно таким образом:

В свете солнца сомневайся,
В том, что звезды есть и мрак,
На меня лишь полагайся:
Я умен, а ты дурак.

Фихте возражал свои оппонентам неоднократно. Его обвиняли в том, что высшей и всемогущей творческой силой в его философии объявляется некое абсолютное Я, хотя сам Фихте постоянно противопоставлял его реальному, эмпирическому Я, самой человеческой личности. В письме Фридриху Якоби он пишет 30 августа 1795 года: «Мое абсолютное Я не есть, конечно, индивидуум; так истолковали меня оскорбленные придворные и рассерженные философы, чтобы приписать мне постыдное учение практического эгоизма. Но индивидуум должен быть дедуцирован из абсолютного Я» [1; 143]. В работе «Факты сознания» Фихте продолжил спор с критиками, обвинявшими его в субъективном идеализме и атеизме.

В основе работы «Факты сознания» лежит курс лекций, прочитанный Фихте в Берлинском университете в 1810–11 гг. Здесь, как и в поздних редакциях «Наукоучения», Фихте убедительно и с решимостью отвергает мнение, будто индивид, если следовать букве его фило-

софии, создает своей мыслительной деятельностью весь эмпирический мир. Фихте подчеркивает то положение «Наукоучения», согласно которому понятие «Я» имеет два значения – эмпирическое и абсолютное (Божественное) «Я». Потому в действительности не эмпирическое «Я» производит мысленно другие «Я», но «общее и абсолютное мышление».

Сама работа «Факты сознания» имеет четкую структуру, все элементы которой тесно связаны между собой. Работа делится Фихте на три части: «Факты сознания по отношению к теоретической способности», «Факты сознания по отношению к практической способности», «О высшей способности». Некоторые главы внутри частей озаглавлены, некоторые – нет. Думается, что именно наиболее важные главы для понимания работы были Фихте озаглавлены. Таковы «О репродукции внешнего восприятия», «Выведение времени», «Дальнейшее выяснение индивидуальности», «Нравственный закон как принцип жизни и эта последняя как форма созерцания его», «Созерцание Бога есть принцип нравственного закона или конечной цели, и эта последняя есть обнаружение его».

В пятой главе своего труда Фихте заявляет, что «всякая философия обязательно с самого начала должна быть идеализмом». И отмечает далее: «Может быть, эта философия должна быть чем-нибудь иным при объяснении основы сознания. Но этот вопрос не может быть поднят раньше, чем будут выяснены факты сознания, а до тех пор мы будем по возможности объяснять это явление из него самого» [12; 474].

Продолжая отвергать возможные обвинения в адрес своей философии, Фихте пишет: «Различие между нашей системой и всяким умозрительным индивидуализмом, особенно идеалистическим индивидуализмом, очевидно. Всякая философия хочет объяснить сознание, что вполне правильно. Но ни одна, без исключения, из бывших до сих пор философий не подымалась выше объяснения сознания одного-единственного индивидуального субъекта и, именно, как и должно было быть, самого философствующего субъекта. Они и не пытались объяснить его как сознание жизни, вмещающей в себе и уничтожающей всякую индивидуальность; в этом отношении наукоучение опередило всех, и даже так, что когда оно это сделало, никто этого не заметил...» [12; 475–476].

Отрицая индивидуальное в абсолютном Я, Фихте превращает духовное первоначало в нечто безличное, которое уже никак не может быть охарактеризовано как Я, тем более как Я абсолютное. Фихте продолжает уточнять и заменять некоторые положения «Наукоучения», поэтому постепенно он использует вместо понятия абсолютного Я более общее – духовное первоначало. Уже в 1797 году во «Втором введении в наукоучение» Фихте фактически поставил на место абсолютного Я понятие безличного сверхчеловеческого разума. Завершая изложение, Фихте пишет: «И вообще, каково же в двух словах содержание наукоучения? Оно таково: разум абсолютно самостоятелен; он есть только для себя; но для себя он есть также только он. Поэтому все, что он есть, должно быть обосновано в нем же самом и объяснено из него самого, а не из чего-либо вне его, до чего он не может дойти как внешнего себе, не отказываясь от самого себя. Короче говоря, наукоучение есть трансцендентальный идеализм» [2; 1; 143].

В полном соответствии с традицией просветительской классики Фихте провозглашает разум изначальной субстанцией, все созидающей мощью. Следовательно, именно из разума следует вывести противоположность субъекта и объекта, эмпирическое человеческое Я, весь многообразный чувственно воспринимаемый мир. И так как разум объявляется единственной первичной реальностью, то его деятельность можно понять лишь как самоопределение разума. Самоопределение разума есть мышление о мышлении, которое Фихте резко противопоставляет мышлению о внешних объектах, ибо такое мышление является всего лишь производным, вторичным процессом.

В «Фактах сознания» Фихте утверждает: мышление мышления мыслит Я, которое «тем самым впервые получает бытие. Я не может не мыслить раньше своего бытия и творить своего творца. Следовательно, Я – такое же произведение всеобщего мышления, как и внешний объект...» [2; 2; 641]. Теперь философ говорит уже не о некоем сверхчеловеческом абсолютном Я, а о реальном самосознании реального человеческого индивидуума. Но мыслит ли этот индивидуум? Если индивидуум изолирован от всеобщего мышления, то он не мыслит. И он мыслит, поскольку именно через индивидуум мыслит всеобщее Единое мышление. Фихте го-

ворит, что мышление не есть специфический индивидуальный духовный процесс, ибо индивидуальное выступает лишь как выражение, проявление всеобщего.

Всеобщее, или абсолютное, мышление, считает Фихте, не имеет никакого отношения к чувственным восприятиям внешнего мира, которые относятся к низшей сфере духовного. Эта низшая сфера имеет дело с сознанием эмпирического субъекта и сама подлежит выведению из первоначального, абсолютно априорного, как пишет Фихте, субстанциального мышления. Продуктом такого мышления являются как внешняя природа, так и ее чувственные восприятия.

И так как разум оценивается как мощь, творящая и образующая вселенную, то, следовательно, все существующее в мире приписывается его творчеству, ибо разум нужно понять и исследовать так же, как и знание, а именно как знание абсолютное. И Фихте пишет в «Фактах сознания»: «Мир существует только в знании, а само знание есть мир» [2; 2; 641]. Следовательно, здесь он имеет в виду знание, существующее вне зависимости от человека. Он развивает свою мысль таким образом: «Я утверждаю: знание безусловно, оно имеет самостоятельное существование и есть единственное самостоятельное существование, нам известное. Но, по существу, знание есть бытие свободы; следовательно, собственно самостоятельная свобода» [2; 2; 768].

Фихте говорит в «Фактах сознания» об объективной реальности, подразумевая субстанциальность самого знания. Недаром он пишет: «Я утверждаю, что знание в своей внутренней форме и сущности есть *бытие свободы*. Самостоятельное, особое бытие свободы есть знание... Об этой свободе я утверждаю, что она существует сама по себе, а не как качество... существующее некоторому другому самостоятельно существующему; она обладает собственным самостоятельным бытием; и я утверждаю, что это самостоятельное, особое бытие свободы есть знание» [12; 629–630].

Думается, что здесь Фихте предвосхитил мысли Гегеля, который в «Науке логики» впоследствии проследит развитие мышления, начиная с мышления, предметом которого выступает чистое бытие, или ничто, и заканчивая мышлением, вобравшим в себя все мыслимое содержание и превратившимся в жизнь, в идею, в идею абсолютную, в Бога. Все-таки как сильно

сказывалось на протяжении всей творческой жизни как на Фихте, так и на Гегеле и Шеллинге теологическое образование, которому они были обязаны очень многим! Но Фихте в отличие от дотошного и более эрудированного Гегеля менее систематичен и доказателен, но более декларативен. Неслучайно он порой подчеркивал, что его философия вводится «без всяких аргументов и доказательств», на его собственной интеллектуальной интуиции, которой Фихте стремился придать всеобщее значение. Своих слушателей и читателей философ даже просил «поверить, что я серьезно и буквально предполагаю то, что утверждаю» [2; 2; 701, 769].

Необходимой формой познания и самого знания выступает понятие. Фихте, наделяя знание чертами субстанции, которую в свою очередь он рассматривает как свободу, полную самодетерминацию, в результате приходит к выводу, что именно понятие является абсолютной формой знания. В «Фактах сознания» Фихте говорит о жизни понятия, выявляющейся в самосознании человеческого существа. Понятие жизни можно считать основополагающим признаком перехода философа на позиции объективного идеализма. «Конечная цель, если только она есть, существует через жизнь, и, наоборот, сама жизнь в своем собственном существовании есть только через бытие конечной цели», – пишет Фихте [12; 511]. Именно жизнь есть изначальное, субстанциальное бытие. Мышление, разум, знание, понятие, да и само человеческое Я, оказываются моментами единой жизни. И Фихте пишет: «Не индивид, а единая, непосредственная духовная жизнь есть создатель всех явлений и самих являющихся индивидов» [2; 2; 686–687].

Фихте характеризует понятие Единой жизни, произведением которой являются как природа, так и человеческое Я, как непосредственную, но отнюдь не последнюю основу всего сущего. Мыслитель пишет: «Мы позаботимся найти иной абсолют, кроме Я, а через него и природу» [2; 2; 697]. В своей подлинно духовной форме жизнь непременно становится действительным созерцанием нравственного закона. Фихте подчеркивает в «Фактах сознания», что разумная жизнь заключается в том, что личность забывает себя в роде, не мыслит свою жизнь вне рода и даже приносит эту свою единственную жизнь в жертву жизни рода. И вне

такой самоотверженности личное существование само по себе бесцельно и никчемно.

Высказанные в «Фактах сознания» мысли Фихте о подлинно духовной жизни перекликаются с основополагающей идеей мировоззрения великого Гёте – понятием продуктивности, о чем пишет автор этих строк в своих монографиях о философии Гёте. Истинная «продуктивность души» для Гёте – это неуспокоенность, вечная жажда деятельности по познанию себя и мира. Именно она и приводит к бессмертию духа. Отметим, что Фихте испытал на себе огромное влияние Гёте и многим ему был обязан лично. Фихте счел своим долгом послать Гёте свое «Наукоучение» и однажды написал к Гёте такими полными пиетета словами: «Философия не достигнет своей цели, покуда результаты рефлектирующей абстракции не примкнут к чистейшей духовности на современной достигнутой человечеством ступени развития. К Вам по праву обращается философия. Ваши чувства – «пробный камень» ее» [1; 112].

Но следует отметить, что пантеистические устремления Гёте были оппозиционны Фихте, внимание которого, как и внимание Майстера Экхарта, в основном приковано к отношению «Я» и Абсолюта. Именно здесь – центр тяжести философии Фихте. Отметим, что, по мнению некоторых современных немецких исследователей, трансцендентальный идеализм глубоко отличен по своей природе от чистого субъективного идеализма [9].

В «Фаусте» Гёте дал художественное воплощение и идеи Фихте о внутренней противоречивости субъекта деятельности. Противоречивость деятельности выступает источником непрерывного воспроизводства деятельности. Деятельность существует до тех пор, пока существует несоответствие между замыслом и реализацией. Смерть – это удовлетворенность и покой. Главное лишь, чтобы деятельность, подчеркивал Гёте, была подлинно продуктивной, а не суетливо-дьявольской.

С другой стороны, Гёте так однажды отозвался о фихтеанцах: «Эти господа все время заново жуют свой собственный вздор и носятся со своим собственным «я». Может быть, им-то это по вкусу, но не нам» [7]. Однако в одной из своих статей Гёте дал весьма оригинальную оценку соотношения духовного и телесного «Я» в фихтевской философии.

В литературе неоднократно отмечалось, что в отличие от Гёте, который весьма равнодушно относился к патриотической борьбе немцев против Наполеона и не наделял своих соотечественников превосходными свойствами, Фихте, напротив, был горячим сторонником освободительной борьбы против французов. Достаточно только вспомнить его знаменитые «Речи к немецкой нации», в которых речь шла о необходимости возрождения немецкого народа посредством его национального воспитания, взывающего к «чистому духу».

Фихте уделял первостепенное внимание политической и духовной свободе немцев. «Понимание свободы как нравственного закона не удовлетворяет Фихте, ибо он, – совершенно верно отмечает А. В. Лукьянов, – стремится исходить из чисто духовного основания, для которого характерна прежде всего воля. Для обретения свободы, считает Фихте, необходим акт самоутверждения. В этом отношении немецкий народ является народом исключительным, ибо его духовное «Я» – *древне как мир*. Причина такого положения дел кроется в том, утверждает Фихте, что только он (немец. – А. Л.) способен к истинной и разумной любви к своей нации» [10]. Националистические взгляды Фихте общеизвестны, что и дает право называть его в философской публицистике даже «дедушкой арийской теории» [11]. И, разумеется, Фихте не мог принять такой эпитафии Гёте, обращенной к своим соотечественникам:

*Нацией стать – понапрасну надеется,
глупые немцы,
Начали вы не с того – станьте сначала
людьми* [6; 1; 241].

Сам Фихте, как и Шеллинг, и Гегель, всю жизнь искал в своем философском творчестве Абсолют – именно ту категорию, к которой стремились мыслители, писатели и художники. Подчеркнем еще раз, что все великие представители немецкого идеализма были теологами по образованию, так и не принявшими сан. К Абсолюту многие испытывали настоящую страсть, неистовое стремление, тягу, страстное желание, которое у Фихте чаще всего именуется *Streben*. В литературе стремление к абсолюту вылилось в более обобщенном «чувстве бесконечного». Если в центре внимания Канта сто-

яло определение границ познания, то Фихте, как и романтики, наметил для себя совершенно противоположную задачу преодоления любых границ. Разумеется, бесконечность недостижима, но к ней можно приблизиться самым стремлением к бесконечности. Производными бесконечности могут выступать безграничное, огромное, несоизмеримое, нескончаемое, бесчисленное, неисчерпаемое, беспредельное, безмерное, вечное и трансцендентное.

Отметим, что Фихте принадлежит заслуга теоретического философского рассмотрения понятия *Streben*. Его трактовка Абсолюта, определяемого как бесконечная субъективность, составляет необходимую метафизическую предпосылку для обоснования на солидной основе идеи о тотальной свободе человека. И именно всеобщая свобода является необходимой отправной точкой для каждого усилия на пути к бесконечности. Завершающие аккорды сложного метафизического рассуждения Фихте, проведенного в сугубо специальных терминах («Я» полагает «не-Я»), заключаются в том, что природа («не-Я» для отдельного субъекта) не содержит никакой непреодолимой объективной обусловленности. В ранних редакциях «Наукоучения» (1794–1800 гг.) материальный мир даже не может быть препятствием для человеческой воли «Я» по той простой причине, что вся реальность в комплексе является продуктом (бессознательным) самого субъекта.

Неистовое стремление, фихтевское *Streben* и есть символ подлинной жизни. Подлинная жизнь, поскольку она воплощается и в человеческой жизни, есть служение идее, которую Фихте характеризует как высшее духовное бытие. Здесь он вновь наметил путь, на который впоследствии ступит Гегель в своей «Науке логики». Продолжая развивать мысли, высказанные в «Фактах сознания», Фихте пишет в «Основных чертах современности»: «Я утверждаю, что идея есть самостоятельная, живая в себе и оживляющая материю мысль» [2; 2; 413].

«Факты сознания» Фихте мыслил обратиться к широкой аудитории религиозно настроенных людей. Поэтому он заявлял, что для него Абсолютом является «Единая духовная жизнь», ибо сказано: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Иоанн 1, 4). Это наиболее соответствует обыденно-христианскому наименованию Иисуса Христа в Евангелии от Иоанна,

над которым Фихте интенсивно размышлял, потому что это Евангелие наиболее ярко выражает суть христианства. После этого Фихте говорит, что «жизнь в своем истинном бытии есть образ Бога, каков Он есть в самом себе». Жизнь, продолжает Фихте, именно и есть Знание о «Едином бытии, истинно существующем, о Боге».

Трудно сказать, предчувствовал ли Фихте при работе над «Фактами сознания» в 1810 году, что в 1814 году он умрет, заразившись тифом от собственной жены Иоганны. Скорее, в то время он мог опасаться репрессий за свои антифранцузские взгляды – ведь расстреляли книгоиздателя Кота лишь за то, что он напечатал патриотическую брошюру. Но Наполеон не тронул Фихте – видимо, ему было не до смутьяна-философа. Но не размышлять о Боге и Вечности в тревожном 1810 году Фихте не мог. И своими размышлениями о Боге в «Фактах сознания» он придал «Наукоучению» совершенно новые и неожиданные черты. По сути дела, то, что сам Фихте именуется в поздних редакциях «Наукоучения» «иоанновским христианством», является фактически христианством фихтевским. Мыслитель синтезировал свое понимание христианства как «истинной религии» с философами наукоучения. Ведь «стихией религии» для Фихте выступало «метафизическое», «априорное», «сверхчувственное». Он акцентировал внимание на том, что не чувственное «голое воспринимание, но из самого себя вытекающее Мышление есть первый элемент религии» [2; 2; 604].

Работа «Факты сознания» принадлежит перу зрелого Фихте, для мировоззрения которого был особенно характерен религиозно-нравственный аспект, не всегда учитывавшийся при оценке в целом его философского дела. Фихте в труде «Факты сознания» и в работе «Наукоучение в общих чертах» пытался произвести своеобразную «религизацию» и «христианизацию» своего наукоучения. С помощью таким образом обновленного наукоучения Фихте мечтал вывести религию из серьевого кризиса с последующим «пробуждением религиозных настроений». Совершенно прав В.Н. Кузнецов, когда пишет, что «с 1801 г. Фихте начал строить свою, *философскую* теологию, т. е. создавать свою концепцию Бога и вводить ее в состав перестраиваемого Наукоучения» [4; 137].

В «Фактах сознания» Фихте трактует существующее как безусловно необходимое, исключающее необходимость какого-либо изменения. Таким образом, понятие необходимости фактически мистифицируется и служит восхвалению и превознесению существующего. Фихте выделяет курсивом следующие мысли, видимо, придавая им особое значение: «*Все, что действительно существует, существует с безусловной необходимостью и с безусловной необходимостью существует именно так, как существует; оно не могло бы существовать или быть иным, чем оно есть*» [2; 2; 488]. В этих словах скрыта прямая дорога к знаменитому тезису Гегеля из «Философии права», оказавшему столь значительное влияние на интеллектуалов всего мира. И хотя Фихте и поясняет, что имеется в виду действительно существующее, но в данном случае это не играет никакой роли, ибо Фихте еще не разграничивает, как это делает впоследствии Гегель, действительность и просто существующее, которое может быть случайным, преходящим и несущественным. Действительно существующее Фихте противопоставляет несуществующему, которое порой может казаться существующим и вполне реальным.

Итак, рассмотренная работа Фихте вполне гармонично примыкает к комплексу его трудов, раскрывающих позднее наукоучение. Фихте постепенно склонялся от субъективного идеализма к объективному, от индифферентной ко всяческой религии философии свободы к философии религии, которая творческую свободу человека заменяет на преклонение перед необходимостью, которая понимается мыслителем как Божественное предопределение.

Иоганн Готлиб Фихте навсегда останется в истории мировой философии. Суд людей призрачен, а суд истории вечен. Сама история подтвердила правоту Фихте, когда он не без патетики говорил в лекциях «О назначении ученого»: «Я смело поднимаю голову, обращаясь к грозным скалистым горам, и к бушующему водопаду, и к гремящим, плавающим в огненном море облакам со словами: “я – вечен, я противоборствую всей вашей мощи. Обрушьте все на меня: и ты, земля, и ты, небо, смешайтесь в диком смятении, и вы, все стихии, пеньтесь и бушуйте... – одна моя воля со своим твердым планом должна мужественно и спокойно выситься над развалинами мира, так как я принял мое назначение, и оно прочнее, чем вы, и оно вечно, и я вечен, как оно”» [3].

12.05.2010 г.

Список использованной литературы:

1. Fichte I. G. Briefe. Leipzig, 1961.
2. Фихте И. Г. Сочинения в двух томах. СПб., 1993.
3. Фихте И. Г. Сочинения. Работы 1792-1801. Вступительная статья П.П. Гайдено. М., 1995. С. 504.
4. Кузнецов В. Н. Немецкая классическая философия. М., 2003.
5. Фишер К. История новой философии. СПб., 1909. Т. 6. С. 140.
6. Гёте И. В. Собрание сочинений в 10 т. М., 1975-1980.
7. Goethes Werke. WA. IV. Bd. 23. S. 112.
8. Гёте И. В. Собрание сочинений. М., 1959. Т. 6. С. 111.
9. Girndt H. Das “Ich” des ersten Grundsatzes der gesamten Wissenschaftslehre in der Sicht der Wissenschaftslehre von 1804 // Fichte-Studien. Bd. 10. Amsterdam-Atlanta, 1997. S. 325.
10. Лукьянов А.В. Философия Иоганна Готлиба Фихте. Оренбург, 1997. С. 181.
11. Гарин И.И. Что такое философия? М., 2001. С. 86.
12. Фихте И. Г. Факты сознания; Назначение человека; Наукоучение / Пер. с нем. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.

Сведения об авторе: Горохов Павел Александрович, заведующий кафедрой социальной философии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, профессор. 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2313, тел. (3532) 372583, e-mail: socf@mail.osu.ru

Gotokhov P.A.

Work of Johann Gottlieb Fichte «Facts of Consciousness»: two hundred years in philosophic treasury

In his work «Facts of consciousness», joining to later editions of «The Science of Knowledge», eminent representative of German idealism J.G.Fichte shows transfer from subjective idealism to objective, from philosophy of liberty indifferent to any religion to philosophy of religion which replaces creative freedom of a man to worship of necessity understood by the philosopher as Divine predestination.

Key words: J.G.Fichte, German idealism, Divine predestination, philosophy of liberty, philosophy of religion.